

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ РОМАНА Ф. А. АБРАМОВА «БРАТЬЯ И СЕСТРЫ»

Т. А. Никонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2022 г.

Аннотация: *статья рассматривает первый роман Ф. А. Абрамова «Братья и сестры» не только в контексте традиции советского романа о колхозной деревне (М. Шолохов, «Поднятая целина»), но отмечает в нем и «оттепельные» тенденции, которые рассмотрены как первые подступы к «деревенской» прозе второй половины XX века.*

Ключевые слова: *Абрамов, Шолохов, «деревенская» проза.*

Abstract: *the article examines F. A. Abramov's first novel "Brothers and Sisters" not only in the context of the tradition of the Soviet novel about a collective farm village (M. Sholokhov, "Raised Virgin Land"), but also notes in it "thaw" tendencies, which the article considers as the first approaches to the "village" prose of the second half of the twentieth century.*

Keywords: *Abramov, Sholokhov, the "village" prose.*

Литературоведение уже не один десяток лет говорит о «текучести» понятия «жанр» в теоретическом плане, о «непроясненности» предмета обсуждения.

Соглашаясь с этой общей оценкой, заметим, что «непроясненность» и «текучесть» заложены в природе этого феномена. Еще Ю. Н. Тынянов, считавший динамику самым филологическим понятием, отметил в далекие 1920-е годы, что «жанр — не постоянная, не неподвижная система» [1, 255]. С этой очевидной истиной не спорил и Аверинцев, расширяя это качество теоретической дефиниции на историко-литературный процесс в целом, ибо «любой писатель — современник своих современников, товарищей по эпохе, но также продолжатель своих предшественников» [2, 6]. Его замечание особенно уместно для нашей темы, ибо включает рассмотрение жанра в диахронический и синхронический ряды, не зачеркивает и верное, часто используемое литературоведением утверждение М. Бахтина о «памяти жанра». Обратим лишь внимание на то, что все эти, казалось бы, противоречивые утверждения апеллируют к разным сторонам явления, обеспечивая его кажущуюся неоднозначность. М. Бахтин отмечает родовую природу жанра, его диахронию, опирающуюся на фундамент рода (эпос, лирика, драма), Ю. Тынянов, Аверинцев, многие и многие исследователи конкретных текстов говорят о динамических составляющих жанра, вписывают конкретное явление в синхронию литературного процесса, в цепочку «товарищей по эпохе» — воспользуемся определением Аверинцева.

В обозначенном плане любое крупное литературное явление может быть рассмотрено в двойной

перспективе — как уже устоявшееся явление, вполне сознательно вписываемое автором в осознаваемую традицию, и как динамическая часть живого литературного процесса.

Посмотрим с этих позиций на роман Ф. А. Абрамова «Братья и сестры» (1958). Выбором жизненного материала первое произведение молодого писателя включалось в разработку тем «колхозной жизни». И, оценивая его, в своем большинстве критики романа предсказуемо находили переклички с «Поднятой целиной» М. Шолохова, с ее первой частью. К такому выводу подталкивала и биография будущего писателя-деревенщика. Ф. А. Абрамов защитил кандидатскую диссертацию с незатейливым для сегодняшнего дня названием «О романе М. Шолохова "Поднятая целина"» (1951), до 1960 года был заведующим кафедрой советской литературы ЛГУ, писал критические статьи и методические работы для студентов и аспирантов. Например, в 1958 году им было опубликовано учебное пособие «М. Шолохов. Семинарий» (соавтор — известный шолоховед В. 4В. Гура), а в 1954 году в «Новом мире» увидела свет резонансная статья «Люди колхозной деревни в послевоенной литературе». Все эти факты убедительно свидетельствовали о зависимости писателя от советских стереотипов, о предсказуемом для писателя, имеющего устойчивый аналитический навык, идти от идеи, от оформившейся концепции к художественному воплощению.

Однако реальный анализ первого романа, основывающийся на изучении его синхронных и диахронных связей, в том числе и динамично формирующегося пространства абрамовской тетралогии, позволяет если не отвергнуть это априорное утверж-

дение, то во всяком случае существенно его уточнить.

Второе замечание касается современного прочтения романа «Поднятая целина». Советское литературоведение, школьная практика в особенности, узаконили его в статусе «классического произведения социалистического реализма». Подобное нормативное определение в советские годы исключало переоценку «образцового» текста, освобождало от необходимости рассмотрения тех особенностей, какие могли вывести за канонические требования. Постсоветские времена, как ни странно, сохраняли прежние подходы, сменив лишь приоритеты оценок. А между тем пересмотр диахронных связей первой книги романа «Поднятая целина» позволяет увидеть ее в более сложной связи с особенностями «текущего момента» 1930 года [3].

В частности, в «Поднятой целине» легко обнаруживается «странное» равнодушие автора к детальной проработке «вредительского» сюжета, неперемного для времени коллективизации. Его завязка обозначена приездом в Гремячий Лог героев-антагонистов Половцева и Давыдова, но в дальнейшем развитии действия они надежно скрыты друг от друга почти демонстративным нелюбопытством гремяченцев. Например, в хуторе, пусть и крупном, но вполне обозримом для его жителей [4], Яков Лукич легко прячет в обычном казачьем курене двух всадников на боевых конях. И это при том, что весь скот уже обобществлен. Досушие соседки не замечают странного исчезновения матери Якова Лукича и пр.

И тем не менее перечень фабульных и обусловленных ими смысловых «странностей» «вредительского» сюжета «Поднятой целины» нельзя отнести к числу авторских просчетов. М. Шолохов точно знал, как будет прочитан роман. Все действия организаторов колхоза в нем синхронизированы с партийными постановлениями конца 1929 — начала 1930 годов. Так, четко обозначена завязка «колхозного» сюжета: двадцатипятилетний Семен Давыдов появляется в хуторе Гремячий Лог во исполнение решений ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) о направлении передовых рабочих в районы сплошной коллективизации.

Кульминация сюжета — статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» (март 1930 года). Появившаяся как раз накануне весенних полевых работ, она совпадает с ожиданиями земледельцев, а потому легко выбивает почву из-под ног белогвардейцев-заговорщиков. «Три экземпляра «Молота» (со статьей «Головокружение от успехов». — Т. Н.) за день обошли все дворы, к вечеру превратились в засаленные, влажные, лохматые куски. Никогда за время существования Гремячего Лога газета не собирала вокруг себя такого множества слушателей, как в этот день» [5, 220].

Каждый гремяченец прочел в статье И. В. Сталина то, что он больше всего хотел прочесть. И речь Давыдова на общем собрании после «бабьего бунта»

воспринимается в контексте этих ожиданий: «...Повольнили, граждане, и будет! Зябь переставается, время уходит...» На его слова «из задних рядов, из сумеречной темноты» откликается «теплый и веселый басок»: «Любушка Давыдов!.. За то, что зла на сердце не носишь... Народ тут волнуется... А ить нам *вместе жить...*» [5, 302. Курсив мой. — Т. Н.].

Даже при выборочном анализе важных сюжетных узлов шолоховского романа нетрудно заметить, что он далек от канонических советских образцов *предметом* изображения. История создания гремяченского колхоза соотнесена в романе М. Шолохова с очевидной невозможностью избежать предложенной новой формы жизни: «...нам *вместе жить...*»

Глубинные особенности сюжета «Поднятой целины», как мы видим, подпитываемые естественными народными ожиданиями, уточняют и позицию Федора Абрамова в его первом романе. Писатель-фронтовик, как и некогда М. Шолохов, отталкивался от жизненной реальности. Начиная прозаик делал первые шаги к будущей «деревенской» прозе, не уклоняясь и от ориентации на особенности шолоховского сюжета.

Нетрудно заметить, что абрамовский Лихачев, председатель колхоза в «Братьях и сестрах», есть некий вариант Макара Нагульнова, но лишь во внешнем контуре — «говорящая» фамилия, внешний вид: «...коренастый мужичина в кубанке, лихо заломленной на самый затылок, в стеганке защитного цвета, туго перетянутой военными ремнями» [6, 23].

Но на этом сходство и заканчивается. Нагульнов у Шолохова все-таки подан с известной долей авторской симпатии, не без попытки воспроизведения внутреннего мира наивного и бескорыстного человека. Лихачев у Абрамова — фигура второго плана в силу явной личностной ничтожности. Карьерист и позер мало интересуется Ф. Абрамова. Довершает характеристику Лихачева им самим изготовленная заметка в газету «Пинежский колхозник», авторство которой обозначено прозрачным заключительным призывом: «Следуйте за тов. Лихачевым!».

Фигурой Лихачева Ф. Абрамов в «Братьях и сестрах» разрабатывает уже сложившуюся в «романе о колхозной деревне» реальную коллизию формирования советской элиты. Вариантом лихачевского самовосхваления во второй части абрамовской тетралогии «Две зимы и три лета» (1968) станет заметка о Егорше Суханове, надиктованная самим Егоршей записному журналисту и названная уже по-новому — «Наш рабочий парень». Название заметки отражает ожидания Егорши, существенно отличающиеся от тщеславных заявлений Лихачева. Суханов хочет быть «*рабочим парнем*». Он стремится покинуть Пинегу — коллизия, чуждая сознанию шолоховских героев и не входившая в планы Лихачева.

За послевоенные десятилетия, показывает Ф. Абрамов, существенно изменилось отношение

к деревне, к земле, к работе на ней. Коренная переоценка деревни вызвала к жизни новый для русской литературы сюжет, связанный с иными приоритетами. Их остро почувствовал Михаил Пряслин, «первый колхозник», как благодарно воспринимают его односельчане. Заметка в газете больно ранила его не тщеславием Егорши: «Согласен. Пускай Егорша новый да передовой». Ранило нескрываемое пренебрежительное отношение к колхознику: «Ты, дескать, рылом в землю зарылся, света белого не видишь, а я где, засучивши рукава? На передовой линии фундамент закладываю... И-эх! — кабы это был только Егоршин треп. А то ведь не один Егорша так думает» [6; 500, 501].

Герой и его поступок вписаны в динамическую перспективу формирующегося сюжета тетралогии. Цель Ф. Абрамова в романе «Две зимы...», откуда взят цитируемый сюжет, уже не та, что в первом романе. Неуклюжее тщеславие Лихачева в исполнении Егорши стало обдуманной и результативной социальной акцией. Ее результаты совершенно очевидно выходят за пределы отношений Егорши и Михаила, их фабульного противостояния. Изменившаяся самооценка участников «колхозного сюжета» — отчетливая примета радикально изменившегося мира, превратившего вчерашних друзей, почти братьев, если не во врагов, то уж точно в разные варианты народного характера. На этом примере отчетливо видно, как роман «Братья и сестры», имевший выраженные жанровые приметы повести, в формирующемся пространстве тетралогии обретает романное мышление, развивает ее центростремительные интенции.

Это первый вывод, который напрашивается при анализе романа «Братья и сестры» в диахронной проекции. Второй также связан с шолоховским опытом, хотя и его трудно обозначить словом «влияние». Речь пойдет о так называемых массовых сценах.

Безусловно, важный сюжетный и смысловой узел обозначен Ф. Абрамовым сценой избрания Анфисы Петровны председателем колхоза. Типологизированная советской практикой сцена предсказуемо включает в число участников районного уполномоченного, героиню, недостойного председателя и даже прописывает ситуативное поведение каждого участника.

Обратим внимание на глубинную основу написанной Абрамовым сцены. Лукашин, присланный провести перевыборы председателя колхоза, — фронтовик. Уже одно это вызывает к нему уважение собрания, в том числе и Анфисы Петровны, и жены фронтовика и, по фразеологии тех лет, «труженицы тыла». Для читателя романа «Две зимы и три лета» в 1968 году внутренняя связь с событиями Отечественной войны была хорошо осознаваемой жизненной реальностью. О «безмерной тяжести» (М. Исаковский) военной ноши, легкой на женские плечи в военные и послевоенные годы, первым заговорил не Ф. Абрамов, но он не мог не откликнуться на эту

ситуацию уже в силу своего гражданского темперамента и детального знания деревенской жизни [7]. И в этом случае мы можем фиксировать реальный «исторический контекст» романа «Братья и сестры», а не переключку с литературной традицией. Напомним к тому же, что председателя колхоза в «Поднятой целине» не выбирали. Двадцатипятилетний Семен Давыдов на собрании гремяченской бедноты сразу конституировал решение, не подлежащее обсуждению: «Меня послала к вам наша коммунистическая партия и рабочий класс, чтобы помочь вам организовать колхоз и уничтожить кулака как общего нашего кровососа» [5, 28].

На этом фоне сцена из романа Ф. Абрамова прочитывается иначе. Лукашин, отправляясь в Пекашино для переизбрания председателя колхоза, получил четкие инструкции относительно оставления Лихачева в прежней должности: «Старый, опытный кадр. Номенклатура райкома...» [6, 58. Курсив мой. — Т. Н.]. Знает об этом решении и сам «опытный кадр», вполне освоившийся со своей номенклатурной ролью. Перепоясанный ремнями, картинно-стремительный председатель представлен в атакующей роли. Услышав критику в свой адрес, «Лихачев до хруста стиснул зубы, выпрямился:

— Понятно... Советская власть не нравится?...» [6, 60].

Напомним, что в шолоховском романе Давыдову противники колхоза угрожали физической расправой. И герой реагировал на реальную угрозу из «задних рядов»: «Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул:

— Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили!...» [5, 74].

Лихачев ведет себя принципиально иначе. Он демагогически укрупняет собственную персону до государственной значительности: «Советская власть не нравится?» Однако Ф. Абрамов переводит сцену выборов из традиции советского «номенклатурного» канона в новый регистр. Лукашин, отчетливо представляя «все непоправимые последствия» невыполненных инструкций, однако, в духе ранней «оттепели», принимает сторону колхозников.

В духе тех же тенденций следует оценить и реакцию секретаря райкома партии Новожилова, не отменившего решения колхозников. Что этот эпизод характеризует время историческое, а не жанровые особенности «колхозного романа», покажут последующие сюжеты тетралогии. Уже во втором ее романе «Две зимы и три лета» (1968) «мягкотелого» Новожилова, допустившего «самоуправство» фронтовика в отношении номенклатурного работника, сменил жесткий и авторитарный Подрезов: «Уж если Подрезов возьмет кого в работу — щепка летит» [6, 300].

Отметим еще одну особенность, объединяющую шолоховский роман и формирующуюся романисти-

ку «деревенской» прозы. В ней, как и в шолоховском романе, человеческая жизнь, ее драмы развиваются на мощном фоне природы и земли. В романе Ф. Абрамова, как и в романе М. Шолохова, они живут своей жизнью. «По влажным, курящимся легким паром полям с проклюнувшимися всходами, по обочинам дорог и тропинок, опущенных нежнейшей зеленью, по ожившим перелескам — повсюду шагало ликующее лето. *И не было ему никакого дела ни до войны, ни до человеческих горестей*» [6, 109. Курсив мой. — Т. Н.].

Подобный поворот темы, более характерный для философских текстов, чем для нормативных советских сюжетов, лишний раз подтверждает мысль, что «деревенская» проза явилась новым важным этапом в развитии русской литературы, что ее появление в «оттепельные» годы было неизбежным и не связанным с требованиями соцреалистического канона. И как всякая литература, отражающая особенности национального сознания, «деревенская» проза второй половины XX века не прошла и мимо опыта самосохранения народа в советские годы. И в этом плане формирующий опыт Ф. Абрамова может и должен быть соотнесен с непростыми поисками и решениями М. Шолохова.

Воронежский государственный университет

Никонова Т. А., доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук.

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Тынянов. — М.: Наука, 1977. — 574 с.
2. Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография / С. С. Аверинцев. — М.: Наука, 1973. — 320 с.
3. См. об этом: Никонова Т. А. О сюжете, названии и контекстах первой книги романа М. Шолохова «Поднятая целина» / Т. А. Никонова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Филология. Журналистика. — 2022. — № 1. — С. 60–64.
4. Хутор — малый населенный пункт, состоящий из одного, иногда нескольких домохозяйств; отдельная крестьянская усадьба с обособленным хозяйством. У донских и кубанских казаков хутор — поселение на территории станицы, не имеющее отдельного административного управления.
5. Шолохов М. Собр соч. в 9 тт. / М. Шолохов. — Т. 6. — М: ГИХЛ, 1966. — 368 с.
6. Абрамов Ф. Избранное. В двух томах / Ф. Абрамов. — Т. 1 — Л.: Художественная литература, 1975. — 568 с.
7. См., например, эмоциональный фрагмент из рассказа Ф. А. Абрамова «Старухи» (1969): «Встаньте, люди! Русская крестьянка идет. С восьмидесятилетним рабочим стажем. Да, да, да! На пятом году взяла тетку грабли в руки, да так до сих пор и не выпускает их»

Voronezh State University

Nikonova T. A., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of XX–XXI Centuries, the Theory of Literature and Humanities

E-mail: nikonova@phil.vsu.ru